

Дмитрий БЫКОВ

На самом деле его долгая и плодотворная молодость объясняется тем, что в полную меру Волгин осуществился довольно поздно — как писатель, которого мы сегодня знаем, он сложился к сорока годам. Помню случайно обнаруженный в университетской библиотеке «День поэзии-69», где большинство участников на анкетный вопрос — кого они считают главной надеждой молодой поэзии, — в числе самых перспективных молодых назвали Волгина. Многие его стихи хороши и на сегодняшний вкус, хотя процентов восемьдесят советской поэзии мертвы, увя, безнадежно. Впоследствии Волгин прославился как бессменный руководитель «Луча» — университетской поэтической студии, которую считали лучшей в Москве. Не было в городе серьезного поэта, который хоть раз не выступил бы перед студийцами, не было молодого литератора, который не обсуждался бы у Волгина или хоть раз не зашел бы в гости в этот удивительный полудиссидентский клуб, где в семидесятых за просто цитировали Бродского и Галича. Ирония, такт и вкус Волгина выручают его и сейчас, когда он ведет семинар в Литинституте — и вынужден там обсуждать, увя, куда более слабый контингент, нежели тот, что сидел у него когда-то в студии. Но и нынешним своим студентам Волгин умеет сказать нечто ободряющее — а главное, внушить им высокие представления о поэтическом братстве: поэтом можешь ты не быть, этому не учат, — но представление о добрых нравах литературы иметь обязан.

Однако все эти заслуги Волгина отошли на второй план, когда он взялся за свою документальную сагу о Достоевском. Сегодня Волгин известен России (и всему миру) как один из ведущих специалистов по Достоевскому. Этот прыжок в филологию, фактический отказ от собственного сочинительства требовал немалой отваги — но Волгин раньше многих, еще в конце восьмидесятых, почувствовал исчерпанность традиционных жанров и ушел в так называемый «научный роман» — синтез биографии, эссе, филологической студии и документального расследования.

Он ввел в научный обиход множество новых документов, выстроил и обосновал экзотические, но убедительные версии, оригинально интерпретировал «Братьев Карамазовых», первым подробно разработал роковую для русской истории тему «Достоевский и императорский дом», написав попутно замечательную теоретическую работу о психологии и технологии русской власти.

Волгин исследует Достоевского не как библиограф и не как архивист: он вписывает его в современный контекст, спорит, реконструирует, воскрешает. В своей последней,

Игорю Волгину исполняется шестьдесят. Поверить в это сложно — элегантный, самоуверенный, красивый Волгин, как и большинство шестидесятников, остается мужчиной без возраста

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ ДОСТОЕВСКОГО

эталонной, на мой вкус, работе «Пропаший заговор» — она уже не столько о Достоевском, сколько о Петрашевском в частности и о русских мальчишках-заговорщиках вообще, — Волгин отвечает на самый мучительный для сегодняшнего литератора вопрос: в какой мере писатель может быть лояльным к власти, возможно ли быть государственным и не стать адвокатом дьявола? Он не только ставит вопрос, но дает собственный ответ, вызвавший резкие, непримиримые русские споры (споров было бы и больше, выйди книга не таким мизерным тиражом и продавайся по более доступной цене).

Не будет большим преувеличением сказать, что из всех современных исследователей Достоевского Волгин наиболее адекватен — поскольку писать о художнике должен художник (понятное дело, о масштабах дарований тут речи нет). Сочинения Волгина — не столько беллетризованные исследования, сколько философские документальные романы, в которых много пристрастности, остроумной полемики и безумных на первый взгляд предположений. С ними можно и должно спорить, но Достоевский в них живой: в известном смысле Волгин сделал для него то же, что Набоков для Пушкина. А Набоков на эту тему высказывался без ложной скромности: «Я сделал для него не меньше, чем он для меня».

6 марта Игорь Волгин отмечает юбилей в Центральном доме литераторов. Зазывать туда гостей я не вижу смысла — желающие все равно едва ли вместятся, поскольку одна волгинская студия, функционирующая тридцать лет, способна заполнить своими выпускниками и Большой, и Малый залы; а есть еще выпускники МГУ и МГИМО, которые когда-то записывали его лекции на магнитофоны. Поздравить Волгина придут поэты, которым он ставил голос, и читатели, которым помогал новыми глазами перечитывать канонические тексты. И тем не менее приглашаю туда тех, кто хотел бы Волгина поблагодарить или с ним поспорить: и тех, и других, я знаю, достаточно. Лекции — театр Волгина, его сладкая каторга: это давно уже не только заработок, но и экспериментальный полигон для будущих сочинений. Но на лекции ходят студенты, а поговорить с автором «Последнего года Достоевского» наверняка хотят не только они. Традиция творческой встречи у нас в достаточной степени утрачена. Тем, кто хочет вернуться в насыщенный, напряженный русский контекст рубежа прошлого и позапрошлого веков, тем, для кого Достоевский так и не стал классиком, а остался живым собеседником, иногда до слез раздражающим, — я посоветовал бы на этот вечер прийти. Что до тесноты — так ведь в «Луче» иной раз сидели на полу, и ничего. ■